

Отклонение от нормы

Яшви Садхир

После ужина девушка разобрала немногочисленные вещи, долго рассматривала форму монастыря с эмблемой инь и ян и даже приложила куртку к себе. Та оказалась по размеру, как будто кто-то знал, что она приедет. Яшви подумала о том, что это, вероятно, Садхир-джи предупредил своих родителей, которых она видела на экзамене принца, а они уже привезли эту новость сюда, они ведь жили здесь в одном из домов на берегу пруда.

Вещей было мало, и она быстро с этим разобралась. Одежду - в комод, к остальной одежде, мешочек с деньгами - в низ самой стопки, под старую материнскую юбку, которую она сохранила, но не собиралась больше надевать. А уродливую куклу - на матрас рядом с подушкой.

Как и планировала, Яшви рано легла спать, еще даже солнце не село, но спала она плохо. Всю ночь снились тяжелые, мутные и бесконечные сны, в которых она то провалилась куда-то, то пыталась догнать ускользающую от нее неясную многорукую тень. Яшви просыпалась с взмокшими волосами, тяжело дыша, пила воду из кувшина, то открывала окно, мучаясь от духоты, то наоборот, закрывая его, потому что начинала мерзнуть, и снова забывалась беспокойным сном, в котором снова старалась настигнуть кого-то, кто шел далеко вперед, на границе сна и яви. Ее окружали не то деревья, не то какие-то каменные столбы, а тень уводила все дальше вперед, и Яшви бежала за ней, не продвигаясь вперед ни на сколько. Казалось, деревья шептались, или это все-таки были не деревья, а колонны, и они шептали старую монгольскую колыбельную,

Под утро Яшви забылась в лихорадочном бреду, уже не видя никаких снов.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн удивился, не застав Яшви на завтраке. Вряд ли она могла просто проспять из-за того, что накануне сильно устала, она привыкла много работать и мало отдыхать. Он подольше задержался в столовой, а после этого все же решил зайти к девушке, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Сонгцэн подошел к нужной двери и постучал. Когда ему никто не ответил, он заглянул внутрь и увидел, что Яшви еще спала.

Это было очень странно, и в то же время Сонгцэн чувствовал себя неловко, находясь здесь. Но он присмотрелся к ауре девушки и заметил, что в ней очень много ша-ци и признаков сильной лихорадки.

- Яшви, ты меня слышишь? - позвал Сонгцэн, оставаясь почти у самого входа в комнату.

Он мог бы снять жар, но на большее его знаний не хватило бы, и он считал сейчас недопустимым касаться Яшви. Куда правильнее было сбегать за врачом, только сначала предупредить девушку об этом.

Яшви Садхир

Яшви постоянно казалось, что она падает в какой-то бездонный колодец, безуспешно пытаясь схватить пальцами чернильную темноту, как опору. Когда ей это не удавалось, она просыпалась от ощущения, что ей не хватает воздуха, но почти не помнила этих пробуждений и снова проваливалась в забытие. Этот сон без сновидений был тяжелым, душным и тягучим, был бесконечным и выматывающим, не приносящим отдыха. Яшви снова просыпалась, ловила себя на смутном ощущении, что хочет пить, но у нее не было сил даже просто протянуть руку за водой, чтобы сделать пару глотков. Бесплодные попытки забирали даже те крохотные силы, что у нее были, и она погружалась обратно в темноту.

Сквозь лихорадку она услышала, как кто-то позвал ее по имени, открыла глаза, не практически не увидела и не узнала человека, стоящего слишком далеко от того места, где она лежала, чтобы распознать черты его лица. Яшви закрыла глаза обратно - даже такое простое действие как открыть глаза и постараться посмотреть более осмысленно, ее обессилило. Волосы намокли и прилипли ко лбу, она тяжело дышала. Ей чудилось, что кто-то нашептывает ей какие-то слова, смысл которых она не понимает, потому что не может прислушаться и понять, что именно в этом шепоте.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Девушка открыла глаза, но затем закрыла их снова. Сонгцэн понял, что нельзя просто стоять и ничего не делать, потому что в ауре Яшви творилось что-то невообразимое.

- Я сейчас схожу за лекарем и вернусь, - сказал Сонгцэн, хоть и сомневался в том, что девушка его поняла и услышала.

Он вышел из комнаты и буквально побежал в лазарет, где дежурной оказалась сифу Петрович. Сонгцэн объяснил ей все, что успел узнать сам, после чего вместе со знахаркой вернулся в комнату Яшви. Он все также не подходил близко к девушке и её не трогал, но был готов выполнять указания сифу Петрович, если ей от него понадобится помощь.

- Её зовут Яшви, - сказал Сонгцэн. - Она говорит только на непали, не понимает путунхуа и английский.

В Непале довольно многие знали английский, потому что это был один из официальных языков. Но в деревнях его не учили, общались на местных диалектах, которые еще и немного отличались от деревни к деревне, хоть и были понятны любому носителю.

Весна Петрович

Дежурства в лазарете обычно были спокойными. Весна наводила порядок в травах, делала какие-то заготовки, пару раз мыла пол и протирала все поверхности, а иногда и оставалось время, чтобы просто посидеть с интересной книгой в подсобке или на веранде, в зависимости от погоды. Но сегодня работа появилась с самого утра - прибежал взволнованный сын Шэн и сказал о том, что какой-то девушке в

корпусе учеников плохо.

Весна пошла следом за Сонгцэном. Она обычно не бывала в корпусах учеников, но отметила, что они немного отличались от корпуса мастеров, где была её собственная комната.

Пациентка оказалась молодой девушкой лет пятнадцати, в лихорадке, с сильным жаром и очень ярким свечением Сахастары, которое Весне было знакомо. Это не было простой болезнью.

- Я немного знаю непали, - сказала знахарка, стараясь вспомнить этот странный язык, который ей довелось освоить во время обучения у одной непальской шаманки, которая посоветовала ей посетить Кайлас. - Яшви, я постараюсь тебе помочь, - сказала Весна и опустилась на колени возле матраса, на котором лежала девушка. - Сонгцэн, принеси нам, пожалуйста, еще воды.

Она заметила, что кувшин, который был в комнате, почти опустел. Сейчас Весна хотела понять, что происходило с Яшви в непростом пути, который сейчас стал лабиринтом.

Яшви Садхир

Яшви не заметила, что в какой-то момент осталась одна, она была слишком погружена в себя и свое недомогание, чтобы замечать, что происходило вокруг, и лишь немного реагировала на собственное имя, произнесенное вслух. Эти звуки снова выдернули ее из мрачной глубины забытья на поверхность. Яшви открыла глаза, скользнув взглядом по лицу склонившейся над ней женщины и усилием воли попыталась удержать себя в ускользающем сознании.

- Пить, - с трудом разомкнув пересохшие и потрескавшиеся губы, слабо попросила Яшви. Она хотела выпутаться из одеяла, но, пока была в бреду, крутилась так, что наворачнула вокруг себя целый кокон. Под одеялом было жарко, без него - холодно, и она долгое время не могла никак понять, чего же ей нужно - раскрыться или наоборот, закутаться.

Шепотки стали тише, затаились на краю сознания, Яшви глубоко, но как-то судорожно схватила воздух, показавшийся ей обжигающе горячим, закашлялась. Невыносимо сложно было держать глаза открытыми, но она старалась, медленно, очень медленно моргая и лишь спустя долгое время снова открывая глаза, которые не могла сфокусировать на чем-то одном.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн даже не рассчитывал на такую большую удачу. Сифу Петрович говорила на непали, причем понятно, хоть и с сильным акцентом. Он послушно сбегал за водой и стал ждать новых распоряжений от знахарки.

Яшви немного приходила в себя, даже попросила пить, но Сонгцэн видел по ауре, что лихорадка никуда не делась, а в верхних чакрах был какой-то беспорядок.

- Когда мы подходили в Линь Ян Шо, Яшви слышала какие-то голоса, - сказал

Сонгцэн знахарке.

Он считал, что это могло объяснить для сифу Петрович возможную причину состояния девушки, что для Яшви было полезнее, чем если бы Сонгцэн стал дожидаться её разрешения на этот рассказ. Сифу Петрович была шаманкой, она могла знать, что с этим делать, чтобы девушке стало лучше.

- Вам нужно принести что-то еще? - спросил Сонгцэн.

Весна Петрович

Весна взяла у Сонгцэна кувшин с водой и подала его девушке. Она помогла Яшви привстать и придерживала кувшин, чтобы дать возможность напиться. Объяснения Сонгцэна были лишними, знахарка лучше него понимала, что сейчас происходило. Это было испытание духов, тяжелое, но позволяющее открыть в себе новый дар. Ему бесполезно сопротивляться, если он тебя нашел, ты от него уже не сбежишь. Только в бред, сумасшествие или лихорадку.

- Яшви, ты сейчас на границе мира людей и мира духов. Тебе нужно услышать духов и вернуться сюда. Постарайся меня слышать, и я буду тебе помогать, - спокойно и медленно сказала Весна. - Сонгцэн, сбегай в мою комнату. На стене при входе висит бубен, а на комоде в деревянной шкатулке есть четки из черного граната, принеси все это, пожалуйста.

Девушка могла выйти только сама, но были способы ей немного подсказать правильный путь, чтобы инициация прошла легче. В Линь Ян Шо была особенная энергия, очень сильная, и её контакт с едва пробуждавшейся способностью слышать духов мог спровоцировать у Яшви начало этого перехода.

Яшви Садхир

Она начала пить, едва к губам прикоснулся край кувшина и, захлебываясь от жадности, пролила часть воды на рубашку, в которой спала и которая без того была влажной насквозь. Она выпила бы и целый кувшин этой воды, и даже целое озеро Фева, если бы ей позволили. Стало немного легче, хотя бы пустыня во рту исчезла, и дышать стало проще, теперь воздух не прорывался в легкие раскаленным потоком из-за пересохшего горла.

Больше всего сейчас хотелось дать сознанию в очередной раз ускользнуть, чтобы погрузиться в небытие, которое могло бы ее избавить от лихорадочных метаний, но голос беловолосой женщины - Яшви никак не могла вспомнить ее имени - заставлял прислушиваться к словам, ею произносимым. Они были понятны, но с трудом, не потому что женщина говорила на непали с акцентом, а потому что Яшви было непросто заставить себя осознавать сказанное.

Она на границе, мир людей и мир духов. Нужно вернуться. Нужно услышать. Нет, сначала услышать, потом вернуться. Ей помогут. Помогут... Она невыразительно и невпопад кивнула и снова закрыла глаза, потому что держать их открытыми стоило ей немалых усилий. Под веки словно песка насыпали, и они казались тяжелыми, практически неподъемными. От большого количества выпитой воды ее начало мутить.

Она должна их услышать. Мертвых, который так много вокруг и которые во главе с многорукой тенью так настойчиво лезут к ней в голову. И тень тут как тут, снова замаячила впереди, уводя вперед между деревьями или столбами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн верил в то, что сифу Петрович знала, что делала, и поэтому был готов просто делать все то, что она скажет. И пусть ему было неловко заходить в комнату мастера, он пошел в другой корпус, где нашел нужную дверь, а за ней и все то, что его просили принести - бубен и черные четки. Он почти ничего не знал о шаманизме, поэтому не мог толком предположить, что планировала делать знахарка. Он просто принес ей нужные вещи и не сказал ни слова, чтобы не отвлекать.

Сонгцэн не знал, оставаться ли ему в комнате Яшви, или лучше уйти, но все же остался на случай, если понадобится его помощь. У него не было срочных дел, он лишь планировал договориться о тренировках, которые мог бы вести сам. И сейчас его помощь могла оказаться куда нужнее здесь.

Он никогда не видел Яшви в таком виде. Она вся взмокла, волосы налипали на лоб, а на её лице было странное выражение, которое он не мог понять. И Сонгцэн не знал, мог бы он сам помочь ей, если бы не удалось позвать знахарку.

Весна Петрович

Девушка пила с жадностью и, насколько могла понять Весна, старалась слушать то, что говорили. Это был сложный путь, но неизбежный для того, кого избрали духи.

- Ты справишься, моя хорошая, - сказала Весна. - Они не хотят тебе зла, они просто объясняют на своем языке.

Подросл Сонгцэн, и знахарка взяла у него бубен и четки. Она сложила четки вдвое и надела их на мокрую и горячую руку Яшви.

- Это поможет тебе их понимать, - объяснила Весна. - Сейчас я подыграю тебе, чтобы тебе было легче меня слышать и искать выход. Я буду рядом, пока ты не выберешься.

Инициация - тяжелое испытание, духи сильны, разум человека не готов к встрече с ними, тело человека слишком хрупко, чтобы сразу вместить такой опыт. Весна сочувствовала девушке и надеялась, что испытание закончится достаточно быстро. Судя по состоянию Яшви, она не первый час находилась в бреду. Весна взяла бубен и стала ритмично бить в него ладонью.

Яшви Садхир

Когда на руку надели что-то постороннее, что-то показавшееся ей чересчур тяжелым, Яшви сначала попыталась стряхнуть с руки это что-то, даже не зная, что это, но заранее уже против него протестуя. Но ее усилия оказались совершенно бесполезны - что-то надежно обхватило запястье в два оборота, и стряхнуть его не представлялось возможным, особенно учитывая то, что она едва смогла приподнять

руку над матрасом, на котором лежала. Но Яшви оставила эти трепыхания почти сразу же, как услышала громкие ритмичные, какие-то гулкие звуки, почти мгновенно вываливаясь из реальности в ту мрачно-серую, темную мглу, наполненную шепотками.

Он не знала, что ей нужно делать, оказавшись на чем-то, похожем на широкую тропу, уводящей вдаль, между двумя ровными рядами чего-то, похожего на стволы деревьев без крон или какие-то каменные столбы необхватной толщины. Неясная многорукая тень впереди замерла, покачиваясь, как марево зноя над раскаленным песком, со всех сторон вновь накинудись чужие голоса, на разный лад шепчущие что-то свое. Как сквозь вату доносились гулкие звуки бубна, и многорукая тень пританцовывала, попадая в такт этим ударам. Шепотки стали громче, звучнее, присоединяясь к ритму и вторя ему, и Яшви пошла вперед, нет, побежала, уверенная, что сейчас сможет, наконец, догнать многорукую тень, чтобы понять, кто она и что ей нужно. Она вдруг осознала, что все эти шепотки на разные голоса, интонации, вся эта какофония звуков принадлежит ей, этой многорукой тени, которая манит за собой, и хочет запутать, словно играет, как кошка играет с мышкой.

Яшви летела вперед быстрее самой быстрой стрелы, настигла, подскочила ближе - и упала прямо в объятия многорукой плоти, выкрикнув громкое ОХИН! Многочисленные руки сомкнулись на спине Яшви, и тень вошла в ее тело, забирая с собой и шепотки, и тропу, и деревья-столбы, и мерный звук бубна, и весь этот мир со всеми его душами и духами, которым нужно было стать кому-то нужным.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн был лишь зрителем, он мог только смотреть за тем, что происходило в ауре Яшви и пытаться понять, что делала сифу Петрович. Но он понял, что переживает за девушку. Ему было важнее всего, чтобы она пришла в себя, а не то, что там творилось с шаманизмом, который в ней открывался. Он надеялся, что все это пройдет без последствий для здоровья Яшви, и уверенность сифу Петрович внушала оптимизм.

В какой-то момент волнение в ауре Яшви сменилось, но Сахасрара засияла ярче прежнего. Сонгцэн сел на циновку, на которой предполагался матрас для соседки Яшви. Он не подходил ближе, чтобы не помешать тому таинству, что происходило на его глазах. Сонгцэн даже подумал, что все же стоило выйти на веранду и ждать там, он бы услышал, если бы его позвали на помощь. А сейчас было глупо что-то спрашивать у знахарки, мешая таинству шаманской инициации.

Весна Петрович

Яшви старалась, она видела свой путь. Весна это чувствовала, хоть и не могла проникнуть в видение девушки. Она могла слышать своих духов, которые подсказывали ей, что все будет хорошо. Что девушку ждет родная душа, и дорога у неё не страшная. Весна продолжала бить в бубен, присматривая за аурой Яшви. Затем шепот её собственных подсказчиков стал радостным - *нашла-нашла, обрела-обрела*. Весна улыбнулась, сейчас Яшви станет легче. Еще некоторое время она молчала, продолжая бить в бубен, чтобы дать девушке время для этого опыта. Лишь после этого она нарушила молчание.

- Яшви, - позвала знахарка. - Открой глаза, ты можешь вернуться.

Это был очень сложный и очень важный опыт для девушки, который той еще предстояло долго осознавать, оценивать и принимать. Самое сложное позади, страх перед духами сменился принятием, это ни с чем нельзя спутать.

- Твои духи теперь с тобой, ты сможешь их понимать, - объяснила Весна. - Ты слышишь меня?

Яшви Садхир

Какое-то время ничего не существовало. Даже время - и то остановилось, и не было ничего, замершее мгновение вечности, и Яшви, это огромное поглотившее в себя все нечто, покачивалась на волнах безвременья, наслаждаясь отсутствием всего - своего тела, боли, жара, шепота, звуков, всего остального мира. Теперь звук бубна звучал для нее усыпляюще, но снова звук ее имени вырвал ее из ничего и вернул к реальности.

Яшви открыла глаза, шумно, судорожно вздохнула и резко села на постели, плотно замотанная в одеяло, как в саван. Она обвела взглядом комнату, на долю секунды задержавшись на Садхире-джи, что сидел на соседней циновке, затем наконец нашла глазами беловолосую женщину.

- Я не понимаю их, - торопливо заговорила она, стремясь донести это до женщины. - Они говорят на языке, которого я не знаю. Я не знаю, чего они хотят от меня.

Она вдруг обнаружила, что крепко схватила женщину за предплечье и, смутившись, расцепила руки. Яшви никогда не прикасалась к человеку без крайней на то необходимости, это было просто не принято в народе непали. Яшви наконец узнала ту шаманку, о которой ей говорил принц, но теперь вопросов стало намного больше, чем было раньше. Первая волна напряжения, вынудившая ее сесть, ушла, и Яшви тяжело рухнула обратно на матрас, растратив все свои силы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн по-прежнему чувствовал себя лишним, но он заметил, что Яшви начала приходить в себя, а сифу Петрович улыбнулась. Значит, это состояние, в котором девушка находилась, когда он застал её утром, начало проходить. Сонгцэн чувствовал свою ответственность за Яшви, и сейчас понимал, что переживает за неё даже больше, чем это было бы объективно нужно. Он же привел опытную знахарку, которая знала, что делала, в Линь Ян Шо девушка была на своем месте и в безопасности.

Эти эмоции было довольно сложно понять. Сонгцэн не видел явной связи между тем, что до конца не разобрался в том, мог ли он что-то изменить, чтобы не допустить гибель Майи, и тем, что сейчас переживал за Яшви. Но не мог и отрицать, что такая связь могла быть.

Привычка держать мысли в порядке была полезной, но заставляла быть честным с собой. А для этого приходилось признавать такие моменты, которые лучше бы

оставить не названными.

Весна Петрович

Девушка села, заговорила, и даже рассказала что-то о том, что успела увидеть в мире духов. Но после этого снова легла. потому что сил у неё было очень мало. Инициация страшно выматывает.

- В мире духов язык условен, понимай суть, а не слова, ты этому научишься, - сказала Весна. - Ты их приняла, они приняли тебя. Вы договоритесь.

Знахарка погладила Яшви по голове. Лоб и волосы девушки были влажными от пота, но жар уже спал, сменившись слабостью.

- Лежи, отдыхай. На это уходит очень много сил, но лихорадки уже не будет, - объяснила девушке Весна. - Отдохнешь, и тебе станет лучше. А через несколько дней я начну тебя учить, как говорить с духами, чтобы ты сама понимала, что с тобой происходит. Это дар, если его не бояться.

Знахарка взглянула на Сонгцэна, который все еще оставался в комнате и выглядел взволнованным. Он не путался под ногами и старался не мешать, что было приятно.

- Сонгцэн, принеси для Яшви что-нибудь на завтрак. Не жирное и не острое. И завари травяной чай с душицей, чабрецом и мятой, - велела Весна.

Яшви Садхир

Яшви взглянула на мастера. Пока она не понимала ничего, не видела ни сути, ни смысла в этом шепоте, который донимал ее с прошлого дня. Сейчас вокруг было тихо, но Яшви казалось, что духи просто ждут удобного момента, чтобы снова напомнить о себе. Когда она останется одна, они снова навалятся. Она не боялась, что это случится, но она бы хотела отдохнуть хоть немного перед тем, как снова попытаться понять их. Ей было бы проще, если бы они шептали на непали. Но это не было непали, это был язык, которого она не знала и не понимала. Яшви поняла, что ей придется учить не только китайский.

Жест знахарки стал для нее неожиданным, и Яшви дернулась под ладонью, не привыкнув к таким проявлениям поддержки. В деревне к ней старались не прикасаться даже те, кому это было дозволено - родителям или братьям и сестре, а уж о том, чтобы сама Яшви так сделала, не было и речи. Она же бокши, и ее прикосновение может принести болезнь или несчастье. Но жест женщины не был неприятным. Просто неожиданным. Он показывал, что она не останется одна лицом к лицу с непонятной для нее магией и целым сонмом шепчущих духов.

- Хорошо, - ответила она. Ей помогут. Ей не придется справляться с этим одной. - Спасибо.

Она не хотела есть, но не стала ничего говорить. Она не хотела оставаться одна, боясь, что снова провалится в черную тяжкую мглу, в которой нет покоя.

Весна Петрович

Когда Сонгцэн вышел, Весна снова посмотрела на Яшви. Эта девушка напоминала ей дикого зверя: недоверчивого, привыкшего рассчитывать только на собственную силу и ловкость, но попавшего в ситуацию, когда приходится принимать помощь. Наверняка эта девочка перенесла немало, раз оказалась вдали от семьи в такой возрасте, когда её либо должны были отдать замуж, либо оставить в родном доме бесправной служанкой. А может и вовсе стала изгоем из-за того, что кто-то заметил её способности, приняв их за одержимость.

- Тебе лучше сегодня весь день лежать и отдыхать. Если духи снова придут, попроси их, чтобы дали немного передохнуть, они могут послушаться, - объяснила знахарка. - Ты - их шанс быть услышанными, а они дадут тебе силы и знания. Уважай их, но пусть и они уважают тебя.

Духи сильны. Они могут свести с ума, навести болезнь, а то и вовсе лишить жизни, но у них мало причин вредить шаману. Он им нужен, он - их руки и ноги в мире живых, поэтому им следует считаться с его мнением. Именно этому Весна планировала учить Яшви, чтобы та смогла нормально жить со своим редким даром.

- Я оставляю тебе четки. Это - черный гранат, камень, который помогает слышать духов. Сними их пока, чтобы отдохнуть, и надевай тогда, когда понадобится снова говорить с духами, - сказала Весна.

Яшви Садхир

Услышав, что духов можно попросить, и они могут послушаться, Яшви недоверчиво покосилась на знахарку. У нее не было причин ей не верить, но все же поверить в это было довольно сложно. Духи казались настойчивыми, они хотели во что бы то ни стало донести каждый что-то свое, рассказать, пожаловаться, нашептать, чтобы их слушали в первую очередь, и от этого, чудилось, должна скорее лопнуть голова.

- Они поймут меня? - спросила Яшви. Она их не понимала, они говорили на разных языках. Это был даже не какой-то диалект непали, потому что его Яшви все равно бы хоть немного, но понимала бы, это был вообще какой-то другой, чужой ей язык. Она опасалась, что ее просьбы останутся непонятыми.

Она посмотрела на четки из какого-то черного камня, и сняла их с влажной руки. Яшви пока оставила их неподалеку, потому что пока была не готова на такой подвиг, как встать и отнести их на комод, где бы они лежали лучше, чем на матрасе поверх смятой и влажной простыни. Яшви стало неловко за эту неряшливость, она всегда была очень аккуратной, и она постаралась по возможности расправить хотя бы простынь, если пока не было возможности поменять ее на сухую.

- Теперь мне всегда будут нужны четки? - Яшви не помнила, как она вчера справилась с потоком голосов в голове. Садхир-джи говорил, что она просто кричала и просила ее не трогать, но она была не уверена, что именно это в итоге и сработало.

Весна Петрович

- Поймут, это в их интересах, - сказала Весна.

Духи могли говорить на тех языках, которые были им знакомы при жизни, но язык - это иллюзия, за которой стоял смысл произнесенного, а он был един. Когда в мире духов размывалась граница языка, любые речи становились понятными шаману.

- Можно обходиться без четок, просто первое время с ними проще, - объяснила знахарка. - Ты и раньше слышала духов?

Этот дар поначалу пугал, многие старались его не замечать. чтобы не прослыть сумасшедшими в европейских странах или одержимыми в краях, где гнева духов боялись больше, чем ментального нездоровья. Без наставника очень сложно разобраться в том, что происходит в твоей собственной голове. Весна помнила, как тяжело было пройти инициацию, и считала, что ей повезло в свое время с наставницей.

Девушка постаралась расправить простынь. Ей не мешало бы сменить постельное белье и переодеться, пока Сонгцэн бегал за чаем и завтраком.

- Давай я помогу тебе переодеться и поменяю простынку? - предложила Весна.

Яшви Садхир

Понятнее не стало, но у Яшви просто поверила на слово. У мастера было больше опыта и знаний в этой магии, в которой сама Яшви пока еще не понимала ничего. Но она готова была узнавать и учиться, если ей будут рассказывать. Все изменения собственной жизни она принимала довольно смиренно, в ней, наверное, не было того, что толкает людей прыгать в огонь или шагать из окна, чтобы пойти наперекор уготованной судьбе.

- Бабушка иногда разговаривала со мной, - призналась Яшви. Она не стала уточнять, что бабушка вот уже несколько лет к тому моменту была мертва. - Но чаще просто пела.

Яшви никогда не задумывалась о том, почему это происходит именно с ней. А сейчас начала ловить себя на мысли, что, возможно, бабка молчала о большем, чем просто о том, что значит песня, которую она всегда пела. Например, она тоже могла говорить с духами, но молчала об этом по вполне понятным причинам.

Ей было неловко соглашаться на такую деликатную помощь, но Яшви понимала, что демонстрация гордости будет сейчас ни к чему. Она сама проковыряется с этой простыней до самого вечера и совершенно выбьется из сил, к тому же принимать помощь от женщины все-таки намного проще, чем от того же Садхира-джи, например. Так что Яшви кивнула, стараясь не думать о том, как это неловко и даже, может быть, унижительно.

- Белье в комод, в нижнем ящике, - добавила она. - Спасибо.

Весна Петрович

Весна и без уточнения поняла, что речь шла о не живой уже бабушке. У Яшви был

свой проводник в мире духов, поэтому ей будет в чем-то проще. Родная душа не даст в обиду и подскажет верный путь.

- Твоя бабушка будет первой помогать тебе в мире духов, - объяснила Весна.

Она достала из комода чистое белье и рубашку, затем подошла к Яшви, чтобы помочь ей переодеться. От лихорадки девушка вся взмокла. Весна быстро перестелила постель, сменив наволочку и простынь, постелила сухое шерстяное одеяло, чтобы то, что промокло, вынести на веранду и просушить на солнце. Она также помогла Яшви лечь обратно в постель. В ауре девушки было видно, как много энергии ушло на знакомство с миром духов.

- Я сегодня дежурю в лазарете, поэтому не смогу долго быть с тобой, - сказала Весна. - Но я попрошу Сонгцэна, чтобы он за тобой пока приглядывал. Ты не против?

Яшви Садхир

Яшви вспомнила про неясную многорукую тень в конце тропы, с двух сторон сопровождаемой деревьями-колоннами. Она не думала о том, что это могла бы быть ее бабушка, она почему-то была склонна думать, что это была скорее мужская фигура, но потом поняла, что у нее не было никаких черт, которые делали бы ее мужчиной или, наоборот, женщиной. Это была просто многорукая тень. Она звала ее Охин. Так звала ее бабушка, всегда, и до смерти и после нее. Так почему бы ей не быть ее бабушкой? Это было вполне закономерно.

С помощью знахарки Яшви передела рубашку и снова устроилась на постели, укрывшись одеялом до пояса. У нее уже не было озноба, как раньше, когда ее мучила лихорадка, но скоро должен был вернуться Садхир-джи, и Яшви не хотелось предстать перед ним в таком виде. Хотя наверняка он уже на все посмотрелся, пока она лежала в бреду - тогда ее не особенно волновало, как она выглядит.

- Нет, - ответила девушка. Помолчав, все же добавила, потому что ее могли понять неправильно: - Не против, если это необходимо.

Она чувствовала себя намного лучше, чем раньше, хоть оставались слабость и сонливость, и она бы просто поспала столько, сколько нужно, чтобы восстановить силы. Не могла же она признаться, что не хочет оставаться одна. К тому же Яшви не знала, сможет ли повториться что-нибудь подобное еще раз, и будет лучше, если кто-то последит.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэна не было довольно долго, потому что травы для чая нужно было найти в лазарете, а разбирался он в них не слишком хорошо. Но сейчас был уверен, что все заварил правильно. Сонгцэн вернулся в комнату Яшви с подносом, на котором стояли глиняный чайник с заваренными в нем травами, тарелка с парой лепешек и миска сладкой рисовой каши на молоке. Сонгцэн сначала постучал, и лишь после этого открыл дверь.

Яшви выглядела уже лучше. Сонгцэн заметил, что она переделалась, а на циновке

рядом лежало смененное постельное белье. Он поставил поднос на столик, который перенес к спальному месту, где лежала девушка.

- Мне отнести белье в стирку? - спросил он у сифу Перович, потому что думал, что еще ему могли сейчас поручить.

Здесь он не был принцем, и здесь никому не было дела до сданного им экзамена в клане. В монастыре были дела, которые нужно было делать. Яшви нужно было отлеживаться, у сифу Петрович были дела поважнее, чем заниматься стиркой.

Весна Петрович

Сонгцэн вернулся с чаем и кашей уже после того, как Яшви успела переодеться и укрыться одеялом. Весна понимала, что девушка была воспитана в тех традициях, которые очень ограничивали её общение с мужчинами, тем более теми, кто не претендовал на звание жениха.

- Отнеси и потом возвращайся, - сказала знахарка Сонгцэну. - Мне нужно вернуться в лазарет, а тебе нужно будет присмотреть сегодня за Яшви. Её не стоит пока надолго оставлять одну.

Весна считала, что духи вряд ли будут сильно беспокоить девушку после инициации, но Яшви могла просто чувствовать беспокойство из-за того, что произошло ночью. Ей может быть страшно засыпать, и ей будет спокойнее, если рядом окажутся не только духи. С Сонгцэном девушка явно была знакома и сама дала согласие на то, чтобы он помогал.

- Яшви, давай ты сядешь и позавтракаешь, - предложила Весна. - Так силы к тебе вернуться быстрее. А чай из трав поможет успокоиться.

Яшви Садхир

Яшви снова почувствовала неловкость, когда вернулся Садхир-джи с подносом и спросил про постельное белье. Это она должна приносить ему поднос с завтраком и уносить смененное постельное белье, чтобы взамен них постелить свежие и хрустящие, а вовсе не наоборот. Но мастер Петрович - Яшви наконец вспомнила сложную фамилию - командовала им так легко, будто он не был принцем королевской крови, а был всего лишь послушником монастыря, который безропотно выполняет всю грязную работу. Для Яшви, которая везде чувствовала себя на позиции низшей касты, к которой и принадлежала, это было очень странно. Ведь птица не перестает быть птицей, когда улетает зимовать на юг. И принц не перестает быть принцем, когда уезжает из Непала на Тибет. Так было в ее мире. А в этом, по-видимому, все по-другому.

Девушка подняла взгляд от пола, куда уткнулась, когда принц был в комнате, обратно на знахарку, а потом посмотрела на миску с жидкой кашей. Она по-прежнему не хотела есть, но не отказалась бы от чая, потому что опять хотелось пить. И все же девушка покорно кивнула, не переча предложению позавтракать, избегая посторонней помощи села на своей постели, упершись спиной в стену, чтобы было удобнее, и взяла в руки миску и глубокую ложку, чтобы заставить себя съесть хотя бы пару ложек. Она должна была поесть, чтобы восстановиться и

вернуться к работе. Ей еще предстояло провести этот день под присмотром Садхира-джи, и ей заранее было не по себе.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн отнес грязное белье в конец корпуса, и запустил стирку, добавив туда еще простыни и полотенца, которые были сложены в корзине рядом с машинкой. После этого он вернулся в комнату Яшви. Его немного смущала перспектива провести вдвоем с ней целый день, потому что он считал, что девушка будет не в восторге от такой перспективы. Но он не мог отвлекать сифу Петрович от дежурства.

- Спасибо, тетушка Весна, - сказал он знахарке. - Если вам нужно идти в лазарет - идите, я помогу Яшви.

Девушка уже сидела и завтракала, но её аура все еще выдавала слабость и нехватку энергии. В таком состоянии Яшви стоило лежать и спать. Но Сонгцэну казалось, что ничего страшного с ней уже не происходило, и то состояние, которое было утром, уже не должно было повториться.

- На что мне обращать внимание? - спросил Сонгцэн у знахарки.

Весна Петрович

Яшви стала есть, а вскоре вернулся Сонгцэн, настроенный сидеть и следить за девушкой. Он был ответственным, чувствовалось влияние матери, у которой даже тараканы в голове ходили строем, чеканя шаг. Весна считала это не самой плохой чертой.

- Я не думаю, что Яшви станет хуже. Но, если снова начнется лихорадка, позови меня, - сказала знахарка Сонгцэну. - Яшви, или пошли за мной, если духи начнут одолевать и не услышат, когда ты попросишь их оставить тебя сейчас в покое. Отдыхай.

Она попрощалась с обоими и пошла обратно в лазарет. Весне было интересно, как дальше станет развиваться дар Яшви. Она видела, что девушка очень сильная, хоть и в силу воспитания и традиций не привыкла эту силу не то что показывать, а даже признавать. Это был дикий зверь в ошейнике и в клетке. Если открыть клетку и снять ошейник, зверь не сразу поймет, как себя вести, и ему понадобятся подсказки, чтобы он понял, что делать со своей свободой.

Яшви Садхир

- Хорошо, - ответила Яшви. У нее на все был только один ответ - хорошо, потому что она больше не знала, что еще может сказать, кроме как это. Ведь он нее явно ждали этого ответа, что да, она позовет, если вдруг что-то случится. Яшви надеялась, что нет, сегодня все обойдется. Она и так уже устала, хотя ей было сложно показывать свое состояние, особенно Садхиру-джи. Но она ничего не могла с этим сейчас поделать, просто постараться уснуть и не доставлять принцу никаких проблем.

Знахарка ушла по своим делам. Яшви понимала, что никто не будет с ней круглосуточно сидеть, следя за тем, чтобы ее вновь не одолели духи, что нужно

учиться самостоятельно справляться с этим. Ей помогут, направят, но все остальное она должна будет сделать сама. Девушка даже не до конца понимала, что с ней вообще произошло и почему именно сейчас, и что будет дальше? Эти приступы будут повторяться каждый раз, когда духам вздумается что-то ей сообщить? Как вообще это работает?

Яшви съела еще пару ложек жидкой сладкой каши, но после этого оставила миску обратно на поднос на столике. Нужно было съесть еще, но она не могла заставить себя проглотить ни единого зернышка риса сверх того, что уже съела. Зато чай, хоть он и был горячим, девушка выпила почти одним махом и потянулась к чайнику, чтобы налить еще. Она не знала, о чем ей стоит сейчас говорить с Садхиром-джи и стоит ли вообще что-то говорить, поэтому как всегда молчала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви поела совсем немного каши, но попила чай. Она молчала, и Сонгцэн уже успел понять, что она даже не страдая от нехватки энергии предпочитала молчать в его присутствии.

- Ты будешь спать, или тебе принести какую-нибудь книгу? - спросил Сонгцэн. - Как ты себя чувствуешь?

Он не был сильным врачевателем, мог лишь примерно оценить состояние Яшви по её ауре. Сонгцэну предстояло понять, каким образом лучше следить за состоянием девушки, не мешая ей и не смущая её. Яшви продолжала воспринимать его здесь как принца Королевских Кобр, но для остальных жителей монастыря он был учеником, который сейчас мог претендовать на звание младшего мастера. К нему обращались на ты, и любой мастер мог давать ему поручения. Ни один человек в Линь Ян Шо не обращался к нему "ваше Высочество", и Яшви была единственной, для кого он здесь был Садхир-джи. Сонгцэн к этому привык, более того, в монастыре именно поэтому ему было проще находиться, чем в клане. Там он должен был все время соответствовать статусу принца. Здесь было достаточно соблюдать дисциплину и не позорить мать, которую многие уважали и даже побаивались.

Яшви Садхир

После второй чашки чая Яшви почувствовала, как жажда наконец отступает, и она поставила опустевшую чашку на поднос. Ее волосы были все еще влажными после беспокойной ночи, и к тому же спутались, и Яшви начала их разбирать, чтобы заплести в косу. Вечером она была в душе, и там вода тоже текла сама, так что не приходилось таскать ведра с водой и мыться из ковшика, но сегодня уже было такое ощущение, что она не мылась по меньшей мере неделю. Яшви редко болела, для нее это состояние было непривычным. И ужасно неудобным.

- Вам не нужно меня развлекать, Садхир-джи, - ответила девушка, перекинув волосы через плечо, чтобы заплести их в косу. Под рукой у нее не было лент, чтобы закрепить их, и она оставила волосы так. На какое-то время этой косы хватит, прежде чем она расплетется, но они хотя бы не будут так мешать. - Я постараюсь больше вас не беспокоить. Мне уже лучше, но я бы поспала.

Она ужасно не выспалась и измучилась за эти ночь и утро, пока пыталась выпутаться из мутного клубка сновидений. Но все равно Яшви ощущала смутное волнение от того, что разлеживается в постели вот уже все утро вместо того, чтобы заниматься делами. И она не знала, как ей относиться к факту присутствия здесь принца. С одной стороны, ей было спокойнее, что она не одна, с другой, между ними все еще незримо витал дух Майи Тхакур. Яшви поежилась - теперь ее дух может быть здесь не только в воображении, но и вполне реально.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн впервые обратил внимание на то, какие у Яшви длинные волосы, пока она заплетала их в косу. Наверное, с ними ей было жутко неудобно. Он видел, как подолгу могла расчесываться мать перед тем, как собрать свои волосы в прическу, которая не мешала бы ей в течение дня. Она вообще распускала волосы только в те редкие моменты, когда показывала огненное ката. Если бы он принадлежал клану Белях Тигров, для него тоже было бы правильным отращивать волосы. Хотя тот же Шэ Лун на эту традицию забил и чувствовал себя нормально.

- Хорошо, отдыхай, - ответил Сонгцэн девушке.

Он удобнее уселся на циновке. Его не пугала перспектива ничего не делать несколько часов. Этого времени было достаточно для медитации, и чем больше хаоса в твоих мыслях и чувствах, тем она полезнее. Сонгцэн считал, что ему лучше быть занятым делом. Когда он мог все время следить за тем, чтобы Яшви не стало хуже, он чувствовал себя нужным. Если бы он остался наедине сам с собой в поисках других заданий в монастыре, у него было бы больше причин думать, что сейчас все могло быть иначе, если бы Майя была жива.
